

Андрей Зубов
Moskwa

ПОТЕРЯ ВЕРЫ В БОГА
(СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ И ДЕТЕИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ)
И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАДИКАЛИЗМ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На протяжении XVIII–XIX веков идёт процесс детеизации сознания в русском обществе. Начавшись в высших слоях в годы царствования Петра I, он постепенно распространяется в простонародье и к концу XIX века формирует устойчивое иррелигиозное большинство русского общества. Эти процессы не миновали и духовенства, которое за известными исключениями, перестало учить народ жизни в Боге и словом, и личным примером. Монашество, всегда очень значимое в русском православии, совершенно деградировало и жизнь в большинстве обителей мало чем отличалась от мирской жизни — монахи копили деньги, игнорировали посты и молитвенные подвиги — имели гражданских жен и т.п.

Влияние Церкви на народные массы всё слабело и слабело, авторитет духовенства падал [...]. Вера становилась лишь долгом и традицией, молитва — холодным обрядом по привычке. Огня не было в нас и в окружающих. Пример о. Иоанна Кронштадтского был исключением [...] как-то всё у нас ‘опреснилось’, или, по выражению Спасителя, соль в нас потеряла овою силу, мы перестали быть ‘солью земли и светом мира’. Нисколько не удивляло меня. ни тогда, ни теперь, что мы никого не увлекали за собою: как мы могли зажигать души, когда не горели сами? [...] и приходится еще дивиться, как верующие держались в храмах и с нами [...] хотя вокруг всё уже стыло деревенело¹.

Возникли две практически чуждые друг другу субкультуры: образованное сословие, воспитанное на западных ценностях, и простонародье, культура которого, отрезанная от интеллектуальных достижений образованного класса, неизбежно дичала и стагнировала. После десяти веков христианской проповеди результат оказался для России более чем скромным (модель Юрия Пивоварова):

¹ Митрополит Вениамин: *О богослужении Православной церкви*. Москва 1999, с. 122, 135.

Наше духовенство мало и редко учит, оно служит в церкви и исполняет требы. Для людей неграмотных Библия не существует; остаются службы церковная и несколько молитв, которые передаваясь от родителей к детям, служат единственным соединительным звеном между отдельным лицом и церковью. и ещё оказывается в иных, глухих местностях, что народ не понимает решительно ничего, ни в словах службы церковной, ни даже в *Отче наш*, повторяемом нередко с пропусками или с прибавками, отнимающими всякий смысл у слов молитвы... этим людям никто, никогда не говорил о Боге².

Народ остался «тёмным и невежественным» (патриарх Тихон). Достаточно сказать, что накануне Мировой войны число новобранцев не умеющих писать и читать в России составляло 61,7%, в то время как в Италии — 30 %, в Австро-Венгрии — 22 %, Бельгии — 8,5 %, Франции — 3,3 %, Великобритании — 1 %, Швейцарии — 0,5 %, Германии — 0,02 %. Только Румыния из всех европейских стран имела соизмеримый с Россией процент неграмотных новобранцев — 64,5 %. Если же вспомнить, что активный процесс развития сельской школы, земской и приходской, начался только с конца XIX века, то можно себе представить уровень необразованности простонародья в целом, во всех возрастных его стратах. Религия при этом оставалась больше суммой бытовых суеверий и благочестивых обычаев, нежели осознанным исканием Царствия Божия и правды его. Жизнь народа большей частью была бедной, невежественной и грубо материалистичной по своим целям. Хотя определенный императив религиозной совести сохранялся на периферии сознания. В рассказе Ивана Бунина *Игнат*, описывающем предреволюционную деревню русского Чернозёмья, героиня, развратная и беспутная молодая баба, беседуя со своим любовником-купцом за ужином с водкой, смакуя кусок сала, вдруг вспоминает, что время-то постное:

Пост, а мы жрём... — помолчав, беззаботно добавила: — Ну, да авось, всё одно в аду кипеть. — За что же это? — спросил купец. — Да за всё. Наше место в аду. Старые люди говорят, всё одно из мужиков в святые не выходят. Всегда из архиреев, архимандритов. и вдруг, разгибаясь, решительным шёпотом сказала: — Ну, пойдёмте, что ль...³

Процесс взаимного отчуждения высших и низших слоёв был существенно усугублён несправедливостью крепостной зависимости, порабощением простонародья в XVIII столетии, особенно тяжким после издания Петром III *Манифеста о вольностях дворянства* в 1762 г. и Екатериной II *Жалованной грамотой дворянству* в 1785. Крестьяне отдавались дворянам во владение на правах полной собственности а обрабатываемые ими земли считались

² К. П. Победоносцев: *Вера*. В кн.: *Московский сборник. Великая ложь нашего времени*. Москва: Русская книга 1993, с. 268–269.

³ И. Бунин: *Собрание сочинений в 9-ти томах*. Т. 4. Москва 1992, с. 28–29.

собственностью помещика. Сформировалась система «Дворяновластия»⁴. Взаимное отчуждение субкультур было завершено отнятием принадлежащих крестьянам земель в результате реформы 1861 г. Два народа, не понимавшие друг друга, жили бок о бок на одной земле, как длинноухие и короткоухие на острове Пасхи.

Социалистические идеи, попадающие в народ в форме элементарных принципов передела богатства, нашли в иррелигиозном и тёмном — пародном сознании благоприятную почву. Только фигура царя соединяла две эти субкультуры. Но вера в царя подменяла во многом веру в Бога. Царь переживался как носитель правды.

Отречение Императора и ликвидация царской власти в России в 1917 году отменила для большинства русских людей принципы патриотизма (крайне персонализированные и сконцентрированные в личности царя и в идее верности трону), что вызвало немедленный развал фронта, братание с неприятелем и бегство в тыл; а также и разрушило законопослушность, поскольку для русского простонародья закон одушевлялся личностью царя. Начался стихийный передел имущества. Последовавшие за этим бесчисленные насилия над имуществом и жизнью его владельцев окончательно оторгли от Бога русский народ, желавший разрушением церкви и святыни уничтожить в себе голос совести, обличавший греховные деяния. Отсюда — разнузданное и глумливое богоборчество народа, равнодушие большинства к кощунствам коммунистической власти и готовность многих в них соучаствовать. В своих воспоминаниях о Гражданской войне архиепископ Василий (Кривошеин) воспроизводит характерный диалог, свидетелем которого он был:

Конвоир матрос с надписью [на бескозырке — А. З.] «Красный террор» разговаривает с молодым крестьянином, отпиравшим нам сарай. «Это чье имение?» — «Волжиных» — «А что, вы их убили?» — «Нет», — отвечает крестьянин. «Напрасно — поучает 'Красный террор', — их надо всех убивать, и вместе со всеми детьми. А то они вырастут и захотят своё обратно получить. Зачем вы их не убили?»⁵.

Лишь немногие, сохранившие твердую веру, любовь к Родине и почтение к закону, встали на борьбу с новой властью (Белое движение), но были сметены огромным большинством народа, боявшимся наказаний за совершенные им злодеяния и от законной власти и от Бога, которого как бы восстанавливали белые.

Многие проницательные наблюдатели (например, Михайловский, юрист-консульт императорского МИДа) отмечали, что белых крестьяне встречают как иноземных завоевателей, красных же, как своих. Вполне возможна социополитическая модель, что простонародная субкультура просто уничтожила

⁴ С. Г. Пушкарёв: *Обзор русской истории*. СПб. 1999, с. 307.

⁵ Архиепископ Василий (Кривошеин): *Воспоминания*. Нижни Новгород 1998, с. 91.

субкультуру высших классов, полагая, что восстанавливает попорченную «господами» справедливость. Но поскольку между так восстанавливаемой справедливостью и вступающим во владение собственностью «паразитического класса» стояли заповеди и совесть, то их попытались поправить. «Верховенский — Правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно. Ставрогин — Право на бесчестье? Да это все к нам прибегут, ни одного там не останется» (Достоевский *Бесы*).

Следует отметить, что Белое движение явилось как раз проявлением личного выбора для каждого участника. Оно стало решением альтернативным холизму толпы, пошедшей за большевиками или занявшей выжидательную позицию.

Я сложил крестом на груди совершенно детские руки, холодные и в каплях дождя... Русский мальчуган пошел в огонь за всех. Он чуял, что у нас правда и честь, что с нами русская святыня. Вся будущая Россия пришла к нам, потому что именно они, добровольцы — эти школьники, гимназисты, кадеты, реалисты — должны были стать творящей Россией, следующей за нами. Вся будущая Россия защищалась под нашими знаменами: она поняла, что советские насильники готовят ей смертельный удар. Бедняки — офицеры, романтические штабс-капитаны и поручики, и эти мальчики — добровольцы, хотел бы я знать, каких таких «помещиков и фабрикантов» они защищали? Они защищали Россию, свободного человека в России и человеческое русское будущее. Потому-то честная русская юность, всё русское будущее — всё было с нами⁶.

В коммунистическом безбожном и незаконном властвовании, сложившемся в России после разгрома Белого движения, любовь к родине, верность закону, незыблемость прав вновь как и раньше утверждалась личностью правителя, но поскольку правитель этот теперь был детищем антирелигиозной, антинациональной и противозаконной системы ценностей, ложь, фальшь и обман, компенсированные колоссальным насилием над правдой и её носителями, стали сутью новой системы и созданного ею «нового советского человека»

Однако, положительным — как ни ужасно произносить в нашем контексте это слово, результатом Великой русской смуты XX века стало уничтожение двух чуждых друг другу субкультур. Наше общество вновь сделалось единым и этим изглажена объективная предпосылка радикализма. Но единство наше оказалось достигнутым ценой утраты «образа Божьего» в человеке, и это препятствует выходу из революционного кризиса.

В настоящее время происходит стихийное возрождение религиозности в русском народе. Поскольку пропасти между субкультурами больше не существует и грамотность стала всеобщей, а электронные СМИ являются общедоступными, вера общества, развиваемая социально и сегодняшним обра-

⁶ Генерал А. Туркул: *За Святую Русь!* Москва 1997, с. 74–75.

зованным классом, и всем наследием русской эмиграции и дореволюционной православной культуры, становится более сознательной и просветленной, чем духовные убеждения русского простонародья в начале XX столетия. Это вселяет некоторый оптимизм.

Полагаю, что только дальнейшее личностное укоренение веры, воссоздание поправленного «образа Божьего» в душе народа, соединенное с осознанием духовных преступлений, совершенных нами в XX веке, может открыть перед Россией путь возрождения, свободный от эксцессов воинствующего радикализма.

Andrey Zubov

UTRATA WIARY W BOGA (SEKULARYZACJA I DETEIZACJA ŚWIADOMOŚCI)
ORAZ RADYKALIZM POLITYCZNY W ROSJI NA POCZĄTKU XX WIEKU

Streszczenie

Proces ten dokonuje się na przestrzeni XVIII i XIX stulecia. Coraz bardziej słabnie aktywność religijna cerkwi wśród ludu, upada autorytet duchowieństwa. Powstają dwie obce wobec siebie subkultury: wykształcona w duchu kultury zachodniej elita kulturalna oraz odcięty od osiągnięć intelektualnych i coraz bardziej zacofany duchowo lud. Lud ten stał się łatwą zdobyczą wulgarnego populizmu agitacji rewolucyjnej, warunkując zwycięstwo bolszewików. Pozytywnym efektem tej tragedii okazał się jednak zanik antagonistycznych subkultur i szansa na odrodzenie religijne Rosji postkomunistycznej.

Andriej Zubow

THE LOSS OF THE FAITH IN GOD (SECULARIZATION AND DETEISATION
OF THE CONSCIOUSNESS) AND POLITICAL RADICALISM IN RUSSIA
AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Summary

This process covers the 18th and 19th centuries. Religious activity of the Orthodox Church is gradually getting weak. The collapse of previously recognized authority of clergy is observed. Two hostile towards one another subcultures sprang up: the educated in a spirit of Western culture elite, and cut off from intellectual achievements and spiritually benighted people. Those people gave in to the pressure from populist agitation and paved the way for Bolsheviks' victory. A positive side of that tragedy was disappearance of the antagonistic subcultures and a chance of religious revival of postcommunist Russia.